

УДК 811.161.1:81'373  
DOI 10.52452/19931778\_2023\_3\_215

## ЗООМОРФНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

© 2023 г.

*О.М. Холомеевко, А.И. Туник*

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

kholol2012@yandex.ru

*Поступила в редакцию 10.07.2022*

Рассматриваются особенности репрезентации зооморфного культурного кода в текстах современной художественной литературы. Определяются методологические подходы, позволяющие проанализировать стереотипность и универсальность выражения данного кода. Показана корреляция зооморфного кода с вербальными стереотипными средствами его воплощения. Продемонстрировано, что в современных художественных текстах авторы предпочитают метафорические и сравнительные конструкции, которые интерпретирует реципиент. Правильное декодирование зооморфного культурного кода возможно при наличии общей культурной картины мира автора и читателя.

*Ключевые слова:* лингвокультурология, культурный код, биоморфный код, зооморфизм, картина мира.

### Введение

В понятийном аппарате лингвокультурологии важное место занимают коды культуры, понятие о которых перешло в эту науку из семиотики. Так, в семиотике код является одним из основных и значимых понятий, которые непосредственно связаны с языком. По мнению некоторых семиологов, код является системой языка или же его вариантом (Ф. де Соссюр, У. Эко, Р.О. Якобсон и др.), то есть код тождественен языку. Язык и код в семиологии являются знаковыми системами, поэтому отсутствует необходимость в их разграничении. Однако Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин и другие исследователи придерживаются иной точки зрения, при которой код и язык не являются взаимозаменяемыми понятиями, поскольку для декодирования информации недостаточно будет лишь одного языка. Ю.М. Лотман считал, что код и язык не могут обозначать одно и то же, так как язык является более глубоким и наполненным понятием: «Язык – это код плюс его история» [1, с. 15]. Другими словами, в состав кода любого языка входит определённая система знаков, а также система смыслов, заключённых в эти знаки. Часто происходит такое явление, когда субъект не может декодировать информацию (текст, музыку, картину и др.), не зная кода. Также один и тот же элемент кода в разных ситуациях или в разных кодовых системах может обозначать совершенно противоположные явления.

Коды культуры специфичны для определённых народов и культур. Они формируются на уровне коллективного бессознательного на протяжении длительного времени и отражают осо-

бенности того или иного культурного сообщества. В культурных кодах отражены архетипические представления людей. При анализе кодов можно увидеть развитие и изменение той или иной культуры. Однако в то же время коды культуры способствуют сохранению, поддержанию устойчивости культуры. С помощью кодов мы можем увидеть, что преобладало в ценностном, нравственном, материальном и иных планах культуры в определённый период времени. Разнообразные коды культуры образуют целую систему, которая может свидетельствовать о специфических чертах определённого культурного сообщества. Окружающие человека предметы (не только материальные) со временем могут стать элементами культурного кода. Однако не любой предмет может быть воспринят в качестве носителя кода. Так, это должно быть значимое для большого количества людей явление, вербально реализованное и несущее особый культурный смысл для того или иного народа.

Лингвокультурные коды достаточно активно используются в художественных текстах, но граница между знаком, текстом и кодом достаточно размыта. Формирование лингвокультурной компетенции помогает решить многие противоречия, возникающие при чтении текста. Данные противоречия обусловлены тем, что семантика языковой единицы при функционировании в контексте может отличаться от узального употребления, автор может добавлять определённые смысловые ассоциации такой единице.

Без знания кода текст будет непонятным, поэтому код должен носить универсальный харак-

тер, при этом изменения в его составе должны быть понятны, чтобы сохранить культуру. Также универсальность кода должна состоять и в том, что смысл, заключенный в определенной форме его реализации, должен быть одинаково декодирован реципиентами.

*Цель нашей работы:* проанализировать языковое представление зооморфного кода в текстах современной прозы, установить однородность/разнородность и конвенциональность вербальных репрезентаций кода.

Материалом для исследования послужили тексты рассказов В. Токаревой, Л. Улицкой, Е. Гришковца, З. Прилепина. Выбор авторов обусловлен не только критерием современности, также мы исходили из того положения, что художественный текст – это адекватная модель реализации жизненных ситуаций, у всех авторов мы брали для анализа рассказы, которые можно назвать «бытоописательными», в них отражена жизнь людей, переданы их чувства, эмоции. Идиостилистические особенности письма (например, Е. Гришковца отличает приближенность к разговорной речи, а у З. Прилепина критики отмечают неоднородность стиля), а также гендерные особенности (произведения В. Токаревой и Л. Улицкой относят к категории так называемой «женской прозы») мы не рассматривали. Другими словами, несмотря на разницу в манере письма и литературных направлениях, в текстах указанных авторов, на наш взгляд, можно найти примеры, подтверждающие универсальность вербальных репрезентаций зооморфного кода культуры.

### **Зооморфный культурный код: вопросы терминологии**

Вопросами рассмотрения культурных кодов занимаются Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.М. Толстая и др. Приведём некоторые определения кода культуры: культурный код – это «ключ к пониманию данного типа культуры» [2]; «несущая конструкция, которая позволяет всему «зданию культуры» конкретного этноса сохранять прочность, а ее носителям осознавать свою неразрывность с родной культурой» [3, с. 36]; ««сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 5].

На современном этапе развития лингвокультурологии распространение получила классификация кодов культуры В.В. Красных, придерживаясь которой мы будем в нашей работе. Исследователь выделяет следующие базовые коды культуры: соматический, пространствен-

ный, временной, предметный, биоморфный и духовный. Данные коды непосредственно основаны на архетипических представлениях. В.В. Красных отмечает, что коды культуры являются универсальными по своей природе. Однако их реализация в разных культурах уже не универсальна, а специфична и обусловлена той или иной культурой [Там же].

Обратимся к биоморфному культурному коду, который рассмотрен в работах Л.В. Савченко [5], С.М. Треблер [6], Н.В. Трошиной [7] и др. Данный код культуры, по мнению В.В. Красных, «отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне...» [4, с. 14]. Однако не все учёные считают, что мир бестиариев входит в состав биоморфного кода. В основном исследователи сходятся во мнении, что в состав биоморфного культурного кода входят представления людей только о флоре и фауне (Г.А. Багаутдинова [8], Л.А. Годуйко [9] и др.). Представления людей о мире бестиариев, скорее, относятся к мифологическому культурному коду. Биоморфный культурный код состоит из зооморфного и фитоморфного кодов культуры, которые репрезентируют представления людей о животном и растительном мирах.

Зооморфный культурный код находит выражение в наименовании животных, птиц и насекомых, которые имеют дополнительные смыслы, значимые для определённого культурного сообщества. В качестве родового наименования названий животных некоторые исследователи используют термины *зооним*, *зоолексема* и *зоонимосодержащая лексема* [10]. Термин *зоолексема* используется в качестве лексемы, обозначающей вид животного (собака, конь). Зооним, по мнению учёных, понимается как зоолексема, имеющая одно значение (манул, ондатра). В то время как зоонимосодержащая лексема – это «многозначная лексическая единица, в пределах которой зоонимом является не исходный, а один из ее производных лексико-семантических вариантов (мухоловка – «небольшая птица»)» [11]. Отметим, что при наименовании животных наиболее распространён термин *зооним*, который стал использоваться в лингвистике с 60-х годов XX века. В настоящее время при употреблении данного термина возникают разногласия. Некоторые исследователи рассматривают зоонимы с точки зрения ономастики. Так, термин *зооним* может быть применён исключительно по отношению к имени собственному животного (например, Кеша (попугай), Зорька (корова), Васька (кот) и т.п.), что закреплено в нескольких словарях («Словарь лингвистиче-

ских терминов» [12, с. 114], «Словарь русской ономастической терминологии» [13, с. 58]). Однако зооним может также использоваться при номинации животного как вида (например, волк, медведь, лошадь и т.п.). Исследователи, придерживающиеся широкого подхода к пониманию зоонимов, отмечают возможность применения данного термина как к именам собственным, так и нарицательным, то есть как к кличкам и прозвищам животных, так и к видовым названиям (Ю.Г. Юсифов [14], Э.М. Медникова [15]).

Отметим еще один вариант названия лексики, связанной с животными, – *фаунонимическая лексика*, а конкретные названия животных называют – *фаунонимы*. Данная терминология не получила признания и распространения, однако используется некоторыми исследователями (Б.А. Абрамов [16], Н.Н. Прокопьева [17]). Как можно понять из названия, данный термин образовался от слова *фауна* (мир животных). Термин *фауноним* впервые появился в 60-х годах XX века в диссертационном исследовании Б.А. Абрамова. Среди исследователей предпринимались попытки расширения значения данного термина путем включения в его состав не только наименования животных, но и связанных с ними понятий (черты, свойства, особенности поведения животных и т.п.) [18, с. 8]. Исследователь В.Р. Галиаскарова употребляет оба термина и при их разграничении указывает на следующие особенности: так, зооним включает в себя исключительно наименования животных, в то время как фауноним включает как зоонимы, так и связанную с ними лексику. Отсюда, по мнению учёного, фаунонимами могут являться и имена существительные, и глаголы, в то время как зоонимы состоят исключительно из имён существительных [19, с. 44].

Следует отметить, что не все зоонимы являются частью зооморфного культурного кода, а только лишь те, которые приобретают особое дополнительное значение и символическую функцию. В таком случае зооним имеет первичное и вторичное значения, то есть, с одной стороны, закреплённый денотат, а с другой – дополнительные смыслы, которые сформировались на протяжении длительного времени. Данное противопоставление значений позволило исследователю Н.В. Солнцевой разделить термин *зооним* на два составляющих: *зоосемизм* (первичное значение, названия видов животных) и *зооморфизм* (вторичное значение). Первичное значение, естественно, закреплёно в словарях, в то время как вторичное значение может как фиксироваться в словарях, так и не кодифицироваться, сохраняясь в сознании носителей язы-

ка, фольклоре, устойчивых выражениях и т.д. [20]. Отметим, что вторичное значение зоонимов, то есть дополнительные смыслы и значения, является специфическим для каждого культурного сообщества. Это связано с особенностями во взаимоотношении человека и животного, которые обусловлены, прежде всего, географическими и климатическими причинами. Например, в странах Северной Европы, в которых обитают лисица, тюлень, нерпа, едва ли найдутся выражения, фразеологизмы, сравнения и т.п. с животными, обитающими в странах Южной Америки (муравьед, ягуар, крокодил). Таким образом, зооморфный код культуры отражает особенности восприятия действительности каждым культурным сообществом.

В нашей работе мы будем использовать термины *зооним* и *зоонимическая лексика*.

### Результаты исследования

В рассмотренных нами произведениях малой прозы использовано 1717 единиц, относящихся к животному миру. Из них 735 употреблены в прямом значении – при номинации животных. В данном исследовании нас интересуют те лексемы, которые в своем составе содержат переносные значения, имеющие культурный компонент, понятный носителям определенной культуры. В рассмотренных нами текстах отмечаем 807 таких единиц. Приобретая коннотативное значение в тексте, зооним не только актуализирует культурно значимый лексико-семантический вариант, но также может содержать дополнительные смыслы, считывание которых будет возможно при наличии знания особенностей определенной культуры.

Наибольшее распространение в рассматриваемых нами текстах получил класс млекопитающих (441), что составляет 54.7% от общего количества лексем. Отметим процентное соотношение найденных лексем других классов: птицы (151) – 18.7%, насекомые (66) – 8.2%, рыбы (54) – 6.7%, пресмыкающиеся (19) – 2.3%, земноводные (7) – 0.9%, ракообразные (3) – 0.4%, паукообразные (2) – 0.2%, брюхоногие (улитки) (1) – 0.1%, двусторчатые (моллюски) (1) – 0.1%, а также была выделена группа «другое» (62) – 7.7%, включающая особые случаи употребления зоонимической лексики, которые затрудняют процесс приобщения их к какому-либо классу. Дополнительными культурными смыслами в большей степени наделены животные, принадлежащие именно этим классам, что, вероятно, связано с их распространённостью в природе. Следует отметить, что зоонимы вышеназванных классов животного мира будут вы-

ражать более широкий круг значений, чем животные таких классов, как паукообразные, брюхоногие (улитки), двустворчатые (моллюски). Использование лексем, обозначающих указанные классы, не характерно для выражения зооморфного кода в русской культуре.

Среди выделенных классов отметим частотность употребления конкретных зоонимов. Наиболее часто в рассматриваемых нами текстах встречаются наименования животных, принадлежащих к классу млекопитающих. Так, из 441 зоонимической лексемы наиболее распространены: собака (92) – 20.9%, корова/бык (44) – 10%, кот (38) – 8.6%, лошадь/конь (30) – 6.8%, свинья/кабан (23) – 5.2%, волк (20) – 4.5%, овца/баран (16) – 3.6%, обезьяна (15) – 3.4%, заяц/кролик (13) – 3%, медведь (12) – 2.7%, козёл/коза (9) – 2%, белка (9) – 2%, осёл (2) – 0.4%. Также следует отметить, что авторы употребляют зооним *зверь*, который в «Толковом словаре русского языка» в прямом значении определяется как «дикое животное» [21, с. 226], подразумевая лишь общие черты и свойства животного, без каких-либо конкретных характеристик. Данный зооним используется 50 раз, что составляет 11.3%.

#### Семантические особенности зоонимов в текстах современной прозы

Рассмотрим специфику репрезентации зооморфного культурного кода в современных художественных текстах путем анализа наиболее часто встречающихся зоонимов (собака, корова, лошадь, свинья).

Зооним *собака* является универсальным, то есть присутствующим во всех культурах. В русской культуре семантика зоонима вызывает ассоциации с преданностью, верностью, дружбой. Однако несмотря на положительные представления, «ни один говорящий на русском языке не назовет верного, преданного человека собакой» [22, с. 60].

Довольно часто, используя зооним *собака*, говорящий желает вызвать жалость и сочувствие, например: «Они не успели бы затормозить, и раздался бы хруст моих костей, черепа <...> Я погибла бы на грязной дороге, как собака» [Токарева, 2015, 59]; «Вы хотите, чтобы я все бросил и пошел в приемный покой? – Да. Хочу. Больной человек валяется там, как собака» [Токарева, 2016, 27]; «Вот и я попала в эту толпу и теперь иду под дождем, как бездомная собака» [Токарева, 2018, 50]; «Рейниш и Тася встретились глазами. Тася смотрела из-под лавки, как собака, и он не смог ее выгнать ...» [Токарева, 2015, 77]. Устойчивое сравнение

«как собака» можно отнести к стереотипным, оно понятно всем носителям русского языка, имеет устойчивую негативную коннотативную окраску.

Менее распространено употребление данного зоонима при описании внешности, но если оно используется, то говорящий стремится подчеркнуть неприятный, отталкивающий вид, например: «Крайний справа был откровенно некрасив, как будто сделан из собаки, но при этом с его лица явно считывался ум, юмор, опять ум» [Токарева, 2016, 6]; «Внешне Алхаз был совсем несимпатичным: не совсем правильной формы голова, кожа серая, мутноватые глаза с обвисшими, как у некоторых собак, веками, улыбался одной половиной рта – правда, часто, а потом ещё заразительно смеялся» [Прилепин, 2018, 77]; «Подожёл – Чебряковы лежат, оба брата, один увяз, второй его тянет, оба похожи на старых собак, голосов не слышно, стынет слюна на сизых лицах» [Прилепин, 2018, 7].

Также отрицательная коннотация появляется у лексемы «собака» при противопоставлении качеств животного с качествами человека, например: «Мне его жалко. Он ведь не собака. Да и собаку тоже жалко» [Токарева, 2016, 14]; «Однако есть действия, которые делать можно, а говорить о них нельзя. Туда же относится грех прелюбодеяния. Люди – не собаки, у которых соитие бывает раз в год» [Токарева, 2015, 15–16]; «Не пойду, – отказался муж. ...Ну сходи, будь человеком, не будь собакой» [Токарева, 2019, 86]. В данных примерах значения лексем «человек» и «собака» противопоставлены, значение контекстуальных антонимов воссоздается благодаря культурной картине мира, свойственной носителям определенной культуры.

Помимо зоонима *собака* могут употребляться синонимы *пёс*, *пси́на*, *щенок*, *кобель* (*кобёл*), у которых в толковом словаре при переносном значении есть пометы «бран.», «разг.-сниж.», например: «Из-за таких, как вы, коблов, её из техникума выгнали... – Сам ты кобель, – произнёс Вова раздельно» [Прилепин, 2015, 105]; «Михаил действительно был похож на огромного, курчавого, умного пса, спасателя ...» [Прилепин, 2018, 25]; «Она звонила тебе сегодня утром, пёс <...> – Сам ты пёс, – сказал я» [Прилепин, 2014, 11]; ««Что-то случилось?» – спрашивает она, хотя внутри вопрос звучит так: «Чем ты опять недоволен, пси́на?»» [Прилепин, 2014, 133]; «А чего тебе радостно? – ответил сам себе. – Что ты хвостом дрогнул, пси́на беспородная?» [Прилепин, 2015, 130]; «Лежит на животе, упрётся локотками, поднимет белую лобастую головку, дышит. Часто-часто, как

псинка, бегущая по следу» [Прилепин, 2015, 164]. Если лексема «кобель (кобёл)» имеет устойчивую отрицательную коннотацию в сознании носителей русского языка, то словообразовательный ряд «пёс – псина – псинка» интересен тем, что зооним «пёс» может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, «псина» – отрицательную, а «псинка» – положительную.

Зооним *щенок* может приобретать семы «радость», «непосредственность» в контексте при употреблении в сравнительных конструкциях, например: «Он несется по жизни, как веселый щенок, махая хвостом и скалясь молодыми белыми зубами» [Токарева, 2016, 70]; «Гриша, дрожащий от нетерпения, как щенок перед утренней прогулкой, завопил счастливым голосом ...» [Улицкая, 2018, 78]. В данных примерах использование названия детеныша позволяет предугадать реакцию реципиента, поскольку подсознательно читатель положительно относится к детенышам животных, перенося данную реакцию и на героя, о котором идет речь в контексте.

Можно отметить и метафорическое употребление зоонима в словосочетаниях «собачьи глаза», «делать что-либо по-собачьи», например: «Так или иначе, Галина Ефимовна месяца два тихонько плакала, поглядывала исподтишка собачьими глазами на дочь ...» [Улицкая, 2018, 46]; «Пару лет назад в нашей весьма пролетарской школе Роберт огребал бы каждый день <...> и за имя своё огребал бы он, и за тщедушный вид, и за собачьи глаза ...» [Прилепин, 2018, 85]; «Братик по-собачьи склонив голову всмотрелся в меня» [Прилепин, 2018, 32]. Характеризирующая функция метафоры заключается в том, что в сознании читателя формируется представление о слабости, бессилии, беззащитности героев.

Зооним *корова* в русской культуре практически всегда имеет отрицательную коннотацию в переносном значении как в номинативной, так и в характерологической функции, употребляясь по отношению к женщине, например: «Вызвали скорую. Приехали две коровы – медсестра и врач. Стояли в бездействии» [Токарева, 2019, 51]; «Кольванова ничего не делала: во-первых, карандашей не было, во-вторых, училка Валентина Ивановна была толстая корова, сидела за столом и никого не проверяла» [Улицкая, 2012, 71].

В русской культуре корова ассоциируется с неуклюжестью и неповоротливостью, например: «Я чуть не упал. – Привыкай! – крикнул кто-то, – Не корова на льду» [Гришковец, 2006, 10]; «Маргоша, ну что ты как корова, ей-богу, все флаконы мои перебила» [Улицкая, 2018, 24].

Зооним *корова* обладает еще рядом других значений, которые могут появиться в контексте, например, безропотность, безвольность: «Катю он держал за плечо, не отпуская, и она млела под рукой, как корова. «Именно как корова», – подумала Анна Федоровна» [Улицкая, 2018, 70]; глупость: «Мать просто смотрела на него, ничего не говоря, каким-то глупым, коровьим взглядом» [Прилепин, 2014, 79]. Валентные свойства лексем «глаза» позволяют ей сочетаться с различными относительными прилагательными, образованными от зоонимов, но в контексте прилагательные становятся качественными, развивают метафорическое значение, причем оно обусловлено ассоциациями, которыми обладает производящая основа (ср. метафору «собачьи глаза», которая развивает непохожее значение, но формально строится по одинаковой модели).

Следует отметить также нетрадиционное употребление зоонима *корова* по отношению к плачущей женщине, например: «Плакала она басом, ревела, как корова» [Токарева, 2018, 65]; «Тамарка ревела с надрывом, как корова в хлеву» [Токарева, 2018, 69]. Если предложить носителям русского языка продолжить ассоциативный ряд «реветь, как ...», то вряд ли они назовут корову.

Зооним *лошадь/конь*. Человек использовал лошадь для езды, перевозки груза, отсюда появилось и закрепилось символическое значение силы, мощи, например: «Для стройки нужно иметь конское здоровье» [Токарева, 2015, 93]; «... и мы сфотографировались, все уже пьяные, толпой, еле влезли на снимок, плечистые, как кони» [Прилепин, 2018, 44]. Также словосочетание «конский волос», имеющее в своем составе относительное прилагательное при метафорическом переносе меняет семантику, актуализируя в сознании читателя свойства «упругие, крепкие, густые» по отношению к волосам человека, например: «Сестры Оганесян распустили свои конского волоса косы ...» [Улицкая, 2012, 55].

Также зооним *лошадь* может развивать значение «тяжелый, непосильный, однообразный» в сравнительной конструкции «как лошадь по кругу» (ср. как белка в колесе), например: «Сейчас вспоминается только счастье материнства. А ведь есть еще и каждодневный труд, тяжесть одинаковости. Как лошадь в шахте по кругу. Довольно утомительно и скучно» [Токарева, 2015, 56]. Данное сравнение основано на схожести затрат женщины, труд по воспитанию ребенка которой сравним с однообразной и тяжелой работой лошади, ежедневно совершающей один и тот же маршрут по кругу.

Зооним *свинья* в культуре имеет отрицательное значение. Однако в языке есть дериват «свинтус» и лексема, в основе которой лежит звукоподражание («хрюша»), которые смягчают отрицательную коннотацию, при этом не теряя отрицательную оценку, например: «Не завидуй, хрюша! – прогудела Лариса» [Токарева, 2015, 37] или «Ой! А мы про тебя совсем забыли! – так же прошептала главный бухгалтер. – Вот свинтусы мы какие...» [Гришковец, 2014, 27].

Зооним *кабан* применяется, как правило, по отношению к мужчинам, имеет значения «большой», «сильный», «здоровый», иногда «агрессивный», вероятно, при сопоставлении с диким кабаном, например: «Буц, это, выйди на улицу... Да, на улицу, за угол – мы тут поймали трёх каких-то кабанов, надо разрулить» [Прилепин, 2014, 17]; «... Шороха сразу загнали в угол двое здоровых кабанов ...» [Прилепин, 2014, 24]; «...там и грабёж <...> и дюжина их кабанов, снявших в травме такие побои, как будто их всех били ломом по лицу?» [Прилепин, 2014, 33].

Названия детенышей животных традиционно развивают положительную коннотацию в контексте, например: «Плишкина, розовая и влажная, как искупавшийся поросенок, вылезла на поверхность» [Улицкая, 2012, 59], «Девочка росла, становилась тяжелая, как кабанчик, но Анюта терпела нагрузку» [Токарева, 2016, 34].

Также в семантическом отношении можно выделить зооним *зверь*. Чаще всего в контексте он находится в оппозиции «человек – зверь», что соотносимо с противопоставлением «свой – чужой», например: «Сидите, пацаны, всё нормально будет. Если вы нормально, то и мы не звери. Всё будет по-людски...» [Гришковец, 2006, 11]. Называя человека зверем, писатели хотят подчеркнуть дикость, ярость, отсутствие сострадания, например: «... на всякого вышибалу обязательно найдётся зверь, который и сильнее, и упрямей; тем более если этих зверей – несколько» [Прилепин, 2015, 123]; «Надо что-то сделать, – думал я. – Что-то надо делать. Надо собраться. Они же как звери, всё чувствуют...» [Прилепин, 2015, 151]; «Вообще с такими зверями, как Вялый, лучше держать себя поостроже и настороже» [Прилепин, 2015, 205]; «Если бы его отмыть и одеть... нет, ничего бы не вышло. Все равно зверь – грязный, вонючий и беспощадный» [Токарева, 2018, 18]; «Всё тело томилось и ныло от неизбывного ощущения, что в этом лесу водятся другие человеческие звери и они могут прийти сюда» [Прилепин, 2015, 219].

При помощи дериватов может выражаться ряд значений: животная сущность человека,

отсутствие моральных принципов и норм, например: «Если им дать волю – они нас начнут строить, это зверьё, – рассуждал Грех ...» [Прилепин, 2014, 30]; «Никто не мог предположить в нём – улыбочивом, открытом и очаровательном – такого бессмысленного юного зверства» [Прилепин, 2018, 92]. Данные лексемы содержат общую коннотативную сему «жестокость».

Традиционным является развитие положительной коннотации при использовании названия детенышей животных, например: «Светлана попала в Москву, как дикий зверек в тайгу» [Токарева, 2018, 77]; «Поспешно, словно зверёк, она взбирается ко мне на колени ...» [Прилепин, 2014, 125]; «Всю любимую мою высосал, зверёк лобастый (о грудном ребенке)» [Прилепин, 2015, 168]. Контрастивная смена коннотативного значения понятна носителям русской культуры, читатель с легкостью считывает жалующие и ласкательные интонации, которые появляются при употреблении лексем в контексте.

#### Функциональные особенности зоонимической лексики в художественных текстах

**1. Характеристика внешности.** Так, авторы обращают внимание на определенные части тела или на образ в целом, например: «Но главной, незабываемой и уникальной составляющей его лица был нос. Он был похож на... острый клюв. Но клюв не орлиный, а клюв неведомой птицы» [Гришковец, 2007, 58]; «... вот на этой «четвёрке» ездил Саха, полное его имя я так и не спросил, весёлый таксёр, худощавый, нос орлиный ...» [Прилепин, 2018, 102]; «Высокий, нескладный, с вытянутым улыбочивым лицом, тёмно-русыми, очень кудрявыми волосами, с большим орлиным носом» [Гришковец, 2007, 38]; «Людка мысленно сравнила себя с соперницей. Да что там сравнивать... Людка – секси, а Ланочка – ворона, носатая и черная» [Токарева, 2015, 55]. Орнитологическая метафора достаточно легко считывается носителями русской культуры, является распространенным средством выражения зооморфного культурного кода.

Можно выделить и окказиональные примеры употребления орнитологической метафоры и сравнения: «Аллочка сидела безучастная, с тонкой шейкой, как журавлик» [Токарева, 2019, 16]; «В Кате, хоть ей было под сорок, действительно было что-то цыплячьё: круглые глаза на белесой перистой головке, тонкая шея, длинный нос клювиком. Птичьё очарование, птичьё бестелесность» [Улицкая, 2018, 67]; «... но он совсем малолетка, пальцы длинные, грудная клетка недоразвитая, челюсти слабые, подбородок по-

драгивает, шея держится на двух птичьих жилах и ломком позвоночнике ...» [Прилепин, 2018, 109]. Лексемы «журавлик», «цыпленок», «птичье» в контексте приобретают положительные коннотации, поскольку обозначают птенцов, детенышей.

**2. Эмоциональное состояние человека.** Эмоции, которые переданы при помощи зоонимов, могут быть самыми разнообразными: удивление, испуг, радость, ужас, волнение и другие, например: «Она осталась совсем одна <...> испытывала состояние обезумевшей мухи, у которой оторвали крылья: крутилась, кружила на месте ...» [Улицкая, 2018, 55]; «Он полетел на крыльях любви, как молодой тетерев в брачный период» [Токарева, 2019, 56]; «Она не появлялась ещё минут пятнадцать, но всё это время я стоял у подъезда с воробьиным сердцебиением» [Прилепин, 2014, 135]; «Андрей боялся, поэтому он визжал, как подрезанная свинья, вместо того чтобы разговаривать, как нормальный человек» [Токарева, 2018, 57]; «Тата завывала, как выть» [Токарева, 2016, 38]. Как можем наблюдать, стереотипности использования зоонимов при выражении эмоций не наблюдается, наоборот, спектр сравниваемых объектов достаточно разнороден. С другой стороны, эмоции, которые описаны в примерах, не одинаковы. Авторы стремились передать интенсивность их проявления, поэтому выбор обусловлен не стереотипными представлениями, отраженными в культурной картине мира, а языковой личностью автора.

**3. Характер человека.** В сознании носителей русской культуры за определенными животными закрепились особые поведенческие характеристики. Выделим наиболее распространённые образы, встречающиеся в рассматриваемых нами текстах, например: «Майка – замкнутая и беззащитная, как заяц. Даже меньше» [Токарева, 2016, 57]; «... он здоровый и благополучный, а она беспомощная, как заяц ...» [Токарева, 2019, 17]; «... Женя-Арахис, подруга покойной жены, учительница музыки с растопыренными пальцами. Хитрая, как муха» [Улицкая, 2018, 5]; «Единственный человек, которого она не выносила, – это редактор отдела прозы Алла. Назойливая, как муха» [Токарева, 2019, 29]; «Виля был предан любви и дружбе, как лебедь» [Токарева, 2019, 8]. Фольклорная картина мира выступает основой стереотипных представлений и ассоциаций. Сравнительные конструкции выступают частотным средством выражения зооморфного кода: сравнение с зайцем подчеркивает беззащитность, с мухой – назойливость и хитрость, с лебедем – чистоту, благородство, красоту.

**4. Характеристика действий человека.** В зависимости от отношения говорящего, похожие действия могут характеризоваться несколькими зоонимами. Например, ловкость, быстрота, юркость в следующих примерах выражена разными зоонимами: «Емельян научился смеяться в голос, а также ползать на ладошках и на коленях. Двигался быстро, как таракан» [Токарева, 2019, 98]; «Мы медленно, как подтравленные тараканы, разбредались по местам приборки» [Гришкoveц, 2006, 25]; «Заскакивай давай! Мухой! – услышал я приказ и, как мог быстро, юркнул в приоткрытую дверь» [Гришкoveц, 2007, 56]; «... обманчивая расслабленность его рук выдавала как раз стремительную готовность разом сбить пальцы в подобие свинчатки и со змеиной скоростью выбить кому-то голубой, мальчишеский глаз» [Прилепин, 2018, 52]; «Детский же плач был для него столь мучительным испытанием, что он змеиным броском хватал в душные объятия рыдающего от обиды ребенка ...» [Улицкая, 2012, 20]. Можно отметить, что сравнение энтомологического характера (как тараканы) может обозначать как высокую, так и низкую скорость передвижения. Сравнение же со змеей у разных авторов имеют одинаковую характеристику, подчеркивающую высокую степень проявления признака.

**5. Характеристика речи человека.** Для характеристики речи может использоваться зооним, в основе которой содержится звукоподражание, например: «Захар, ты – дурак! – каркающим голосом восклицал Корин» [Прилепин, 2014, 146]; «В гоготе вышли в подъезд» [Прилепин, 2018, 9]; «Семеныч, я же говорил тебе – не ходи, – сказал тот, надевая шапку. – Видишь, как он растягвался. Но он тебя боится, за тобой не пошел. Пусть тьякает, быстрее достучается» [Гришкoveц, 2006, 84]; «Вскоре со всех кораблей прибежали дежурные офицеры и отрапортовали о себе почти нечленораздельными гавкающими выдохами» [Гришкoveц, 2006, 9]; «Как тебя зовут? – спросила Тата. – Ляля, – мяукнула девочка» [Токарева, 2016, 47]; «Но самое обидное, Катя ходила с дураковатой улыбочкой и даже немного подмурлыкивала, в точности как ее бабушка...» [Улицкая, 2018, 72]; «Ты наверняка слышал. Она на всех радиостанциях сейчас звучит. Такая... очень хорошая, – и Катя даже попыталась намурлыкать мотив» [Гришкoveц, 2006, 45]; «А линия где взяли?.. Понятно! – промурлыкал шеф и повернулся к главному герою ...» [Гришкoveц, 2014, 20]. В данных примерах можно отметить одну тенденцию: звукоподражательные тенденции достаточно ярко характеризуют манеру речи героев, при этом метафоры выполняют характеризующую функцию, в контексте приобретая положительную или отрицательную коннотативную окраску.

### Выводы

Зооморфный культурный код является одним из важнейших и древних кодов. Универсальность данного кода позволяет рассматривать его изменения в одной культуре. Зооморфный код включает в себя лексические единицы, обозначающие наименования животных, производные от них, а также связанные с миром животных слова. Данные лексические единицы именуются как *зоонимы*, а также *зоонимическая лексика*. Многообразие подходов к определению сущности зоонимов является следствием исследовательского интереса, что, в свою очередь, говорит об особой роли зоонимов и зооморфного кода в национальной картине мира, в которую они входят.

Зоонимическая лексика, формирующая зооморфный код, употребляется активно и тематически разнообразно. Наиболее распространено использование зоонимов, принадлежащих к классам млекопитающих, птиц и насекомых. Среди конкретных наименований животных отметим зоонимы *собака*, *бык/корова*, *лошадь/конь*, *свинья/кабан*. Зоонимическая лексика, входящая в состав зооморфного культурного кода, соотносима с распространённостью животных на территории, на которой представлены определенные язык и культура. В функциональном плане зоонимы употребляются по отношению к человеку при описании внешнего вида, эмоционального состояния, характера (при этом имеют как положительную, так и отрицательную коннотации), действий. Можно отметить конвенциональность в выборе средств репрезентации зооморфного культурного кода: метафора и сравнение являются предпочитаемыми и частотными средствами представления зооморфного кода. Данные средства имеют как номинативную, так и характеризующую функцию.

#### Список литературы

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 703 с.
2. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. 2003. Режим доступа: <http://cultlib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (дата обращения: 08.07.2022).
3. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. № 4 (47). С. 28–37.
4. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуни-

кация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.

5. Савченко Л.В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273. С. 170–172.

6. Треблер С.М. Национальная языковая картина мира: биоморфный культурный код // Современные концепции научных исследований. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2015. С. 57–61.

7. Трошина Н.В., Фёдорова С.К. Репрезентация биоморфного культурного кода в сравнительных оборотах в поэзии Арсения Тарковского // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 352–354.

8. Багаудинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 45 с.

9. Годуйко Л.А. Вербализация биоморфного кода в названиях творческих коллективов Брестчины // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье. Международный научный форум, г. Новозыбков, Брянская обл., 23–26 октября 2019 г. С. 364–370.

10. Морковкин В.В., Бонифилд А.В., Инкуй Чжэн. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении // Русистика сегодня. 1999. № 3-4. С. 24–40.

11. Морковкин В.В., Денисов П.Н. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1983. 688 с.

12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилитрим», 2010. 486 с.

13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.

14. Юсифов Ю.Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1985. 20 с.

15. Медникова Э.М. Семантика слова. Новые аспекты // Формальные и семантические аспекты слова: Сб. науч. тр. 2009. С. 10–17.

16. Абрамов Б.А. Синтаксические потенции глаголов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 30 с.

17. Прокопьева Н.Н. Словообразовательная и семантическая деривация на основе устойчивых языковых символов немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1998. 192 с.

18. Фролова В.А. Фаунонимические глаголы современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 16 с.

19. Галиаскарова В.Р. К вопросу о функционировании терминов «фауноним» и «зооним» в отечественной лингвистике // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2008. С. 42–45.

20. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 33 с.

21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических



выражений / Российская акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Изд-во «Азбуковник», 1999. 944 с.

22. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; Российская академия наук, Ин-т лингвистич. исследований. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

#### Источники языкового материала

1. Гришковец Е.В. Боль (сборник) / Е.В. Гришковец. «Автор», 2014. 84 с.

2. Гришковец Е.В. Планка (сборник) / Е.В. Гришковец. «Автор», 2006. 84 с.

3. Гришковец Е.В. Следы на мне (сборник) / Е.В. Гришковец. «Автор», 2007. 101 с.

4. Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы / Захар Прилепин. М.: Изд-во «АСТ»: Редакция Е. Шубиной, 2018. 166 с.

5. Прилепин З. Восьмёрка: [короткие повести] / Захар Прилепин. М.: Изд-во «АСТ»: Редакция Е. Шубиной, 2014. 348 с.

6. Прилепин З. Грех / Захар Прилепин. М.: Изд-во «АСТ»: Редакция Е. Шубиной, 2015. 226 с.

7. Прилепин З. Семь жизней / Захар Прилепин. М.: Изд-во «АСТ»: Редакция Е. Шубиной, 2018. 115 с.

8. Токарева В.С. Дом за поселком (сборник) / В.С. Токарева. «Азбука-Аттикус», 2018. 96 с.

9. Токарева В.С. Жена поэта (сборник) / В.С. Токарева. «Азбука-Аттикус», 2019. 98 с.

10. Токарева В.С. Кругом один обман (сборник) / В.С. Токарева. «Азбука-Аттикус», 2016. 77 с.

11. Токарева В.С. Муля, кого ты привез? (сборник) / В.С. Токарева. «Азбука-Аттикус», 2015. 99 с.

12. Улицкая Л.Е. Девочки (сборник) / Л.Е. Улицкая. «Издательство АСТ», 2012. 96 с.

13. Улицкая Л.Е. Первые и последние (сборник) / Л.Е. Улицкая. «Издательство АСТ», 2018. 91 с.

### ZOOMORPHIC CULTURAL CODE IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF LITERARY TEXTS)

*O.M. Kholomeenko, A.I. Tunik*

The article examines the peculiarities of the representation of the zoomorphic cultural code in the texts of modern fiction. Methodological approaches are determined that allow analyzing the stereotype and universality of the expression of this code. The correlation of the zoomorphic code with the verbal stereotypical means of its implementation is shown. It is demonstrated that in modern literary texts the authors prefer metaphorical and comparative constructions interpreted by the recipient. Correct decoding of the zoomorphic cultural code is possible if there is a common cultural picture of the world of the author and the reader.

*Keywords:* linguoculturology, cultural code, biomorphic code, zoomorphism, picture of the world.

#### References

1. Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb., 2010. 703 p.

2. Kononenko B.I. A large explanatory dictionary of cultural studies. 2003. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (Date of access: 08.07.2022).

3. Avanesova G.A., Kuptsova I.A. Cultural codes: understanding the essence, functional role in cultural practice // In the world of science and art: questions of philology, art history and culture: Collection of articles based on the materials of the XLVII International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk: SibAK Publishing House, 2015. № 4 (47). P. 28–37.

4. Krasnykh V.V. Codes and standards of culture (invitation to conversation) // Language, consciousness, communication: Collection of articles. M.: MAKSS Press, 2001. Issue 19. P. 5–19.

5. Savchenko L.V. Hierarchical model of the biological code of culture // Culture of Peoples The Black Sea region. 2014. № 273. P. 170–172.

6. Trebler S.M. National linguistic picture of the world: biomorphic cultural code // Modern concepts of scientific research. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. N. Novgorod, 2015. P. 57–61.

7. Troshina N.V., Fedorova S.K. Representation of the biomorphic cultural code in comparative turns in the

poetry of Arseniy Tarkovsky // Bulletin of the Bryansk State University. 2013. № 2. P. 352–354.

8. Bagautdinova G.A. Man in phraseology: anthropocentric and axiological aspects: Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Kazan, 2007. 45 p.

9. Goduiko L.A. Verbalization of biomorphic code in the names of creative collectives of Brest region // Idiolect of the Russian linguistic personality as a reflection of the linguistic and cultural situation in the Slavic borderland. International Scientific Forum, Novozybkov, Bryansk region, October 23–26, 2019. P. 364–370.

10. Morkovkin V.V., Bonifield A.V., Inkui Zheng. Russian zoonyms in complex linguistic consideration // Russian studies today. 1999. № 3-4. P. 24–40.

11. Morkovkin V.V., Denisov P.N. Dictionary of the compatibility of words of the Russian language. M.: Russian language, 1983. 688 p.

12. Zherebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. Ed. 5th, corrected and expanded. Nazran: Pilgrim LLC, 2010. 486 p.

13. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. M.: Science, 1978. 200 p.

14. Yusifov Yu.G. Zoological vocabulary of the Azerbaijani language (based on ornithonyms): Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Baku, 1985. 20 p.

15. Mednikova E.M. Semantics of the word. New aspects // Formal and semantic aspects of the word: Collection of scientific works. 2009. P. 10–17.

16. Abramov B.A. Syntactic potencies of verbs: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. M., 1968. 30 p.
17. Prokopyeva N.N. Word-formation and semantic derivation based on stable language symbols of the German language: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. N. Novgorod, 1998. 192 p.
18. Frolova V.A. Faunonymic verbs of the modern German language: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. N. Novgorod, 2003. 16 p.
19. Galiaskarova V.R. On the question of the functioning of the terms «faunonym» and «zoonym» in the native linguistics // Problems of applied linguistics: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference. Penza, 2008. P. 42–45.
20. Solntseva N.V. Comparative analysis of zoonyms of Russian, French and German languages in the ethno-semantic aspect: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Omsk, 2004. 33 p.
21. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., additional. M.: Publishing house «Azbukovnik», 1999. 944 p.
22. Sklyarevskaya G.N. Metaphor in the system of language / Ed. by D.N. Shmelev; Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics research. St. Petersburg: Science, 1993. 150 p.